

Борис Алексеев

Ильинский волнорез

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А47

А47 **Алексеев Б.**
Ильинский волнорез / Борис Алексеев – М.: Lennex Corp, — Под-
готовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2021. – 440 с.

ISBN 978-5-4490-9904-4

«Ильинский волнорез» — книга о человеческом беспокойстве, пошаговая запись становления четырнадцати духовных биографий. Иными словами — пристрастные «путевые заметки» о восхождении человеческого «я» со дна Житейского моря, усыпанного погибшими кораблями и морскими звёздами, в высокие сферы, где сверкают совсем другие звёзды, и дух замирает от нереальной красоты сущего!

ISBN 978-5-4490-9904-4

© Lennex Corp, 2021
© Б. Алексеев, 2021

БОРИС АЛЕКСЕЕВ

**ИЛЬИНСКИЙ
ВОЛНОРЕЗ**

(О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ
БЕСПОКОЙСТВЕ)

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

2018

«Ильинский волнорез» — это книга о человеческом беспокойстве, пошаговая запись становления четырнадцати духовных биографий. Иными словами — пристрастные «путевые заметки» о восхождении человеческого «я» со дна Житейского моря, усыпанного погибшими кораблями и морскими звездами, в высокие сферы, где сверкают совсем другие звезды, и дух замирает от нереальной красоты Сущего!

ТРИ ТОВАРИЩА

ПОВЕСТЬ

Глава первая
ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ СУДЕБ

Часть 1. Ночная переделка

Степан шагал по гулкому ночному коридору Большой Ордынки, то пританцовывая, то загадывая количество шагов до очередного фонаря. Случайный прохожий, оказавшись он рядом, наверняка бы решил, что праздный гуляка пьян или, на худой конец, влюблен. Но улица была пуста, и полуночное дефиле тридцатидвухлетнего бесшабашного москвича (приезжие так себя не ведут!) оставалось никем не замеченным, если не считать любопытных переглядов бессонницы за мутными занавесками черных окон.

— Сволочи!.. — из переулка шагах в двадцати от Степана вырвался сдавленный мужской голос, сопровождаемый сопением и глухими ударами. Степа бросился на крик стремительно, будто ждал случая проявить в ночи мужскую доблесть и благородство.

Три сопляка повалили большого грузного мужчину. Двое добивали жертву ботинками, а третий шарил в большом коричневом портфеле, из-за которого, видимо, и случилась грызня.

— Бабло! Стручки, бабло! Рвем!.. — заорал пацан, сгибаясь пополам над «шоколадным» трофеем. Он уже привстал и готовился бежать, но в этот миг Степа размашистым апперкотом снес парня, выхватив на лету добычу.

— Ах ты, су... — один из двух «степистов» прыгнул в ноги рослому Степану. Сверкнул нож. Степа отскочил на шаг и ударом тяжелого портфеля по голове прибил нападавшего стручка к асфальту. Бросив портфель в сторону, он схватил парня за руку, ловко вывернул кисть и заставил отпустить нож.

— А-а! Руку сломал! — взвыл пацан, перекатываясь по асфальту.

Третий парень хотел бежать, но страх так сильно сковал беднягу, что тот медленно сполз по стене дома и, как подрубленное дерево, цепляясь ветвями рук за выступы фасада, повалился на тротуар. Он так и остался лежать, наблюдая за Степаном глазами, полными щенячьего подросткового ужаса. От парня во все стороны поползло темное сырое пятно, посверкивая на незатоптанных бугорках новенькой, укатанной накануне асфальтовой крошки.

Степан протянул пострадавшему мужчине руку, предлагая подняться.

— Пойдите, — сказал он, сдерживая волнение, — кто знает, сколько их еще.

Мужчина, кряхтя и держась за стену, поднялся, перешагнул через мокрого стручка, отыскал глазами и поднял портфель. Затем, опираясь на руку Степана, он сделал неуверенный шаг в сторону:

— Пойдите. Кажется, вы меня крепко выручили.

Степан окинул прощальным взглядом поле сражения и, поддерживая под руку помятого великана, зашагал прочь. Один раз ему все же пришлось обернуться.

Парень, похожий на раненого волчонка, полз в темноту переулка и жалобно выл:

— Бабло, бабло хиляет...

Они шли по пустынной Ордынке. Спасенного мужчину то и дело рвало. Каждый раз, вытирая платком лицо, он виновато поглядывал в сторону Степана и говорил: «Простите, не знаю, что со мной». «А я знаю! — улыбался в ответ Степа, пытаясь расштопать неловкость момента. — Вы поскользнулись, упали, к вам подбежали пионеры, хотели втроем поднять дядю. Тут явился я и, как всегда, все испортил!»

— Я не могу идти, — мужчина присел на выступ фундамента и вытянул вперед правую ногу, — кажется, они мне повредили коленку.

— Спокойно, концентрируем внимание! — Степан взмахнул руками, превращая ладони в источники положительной энергии. — Абра-вибра-таксомоторра!..

Действительно, буквально через пару секунд со стороны метро «Третьяковская» вынырнула машина с зеленым огоньком.

— Что я говорил! — Степан приветливо махнул рукой кому-то в небе. — Едемте ко мне, вас надо привести в порядок.

Расположив спутника полулежа на заднем сидении, он подсел к водителю. В это время метрах в ста от машины из переулка вывалилась на пустынную «тропу войны» толпа пацанов. За головами первых Степан увидел одного из трех битых стручков. Сверкнули металлические прутья. «Мобильные ребята, — присвистнул Степа и, обернувшись к водителю, с ленцой в голосе добавил, — шеф, видите вон ту группу подростковой молодежи? Да-да, именно, с фрагментами металлической ограды? Лич-

но мне они напоминают ваганьковский бюст Япончика, расколотый и розданный братве на сувениры».

— Мне тоже! — хохотнул таксист.

— Однако нам пора, — Степан заметил, что толпа развернулась к машине, — Большая Татарская, двадцать. Гони!

Такси взвизгнуло протекторами и, набирая скорость, угрожающе двинулось навстречу ораве молокососов, запрудивших Ордынку. Не ожидая атаки, те шарахнулись в стороны, и «абра-вибра-таксомоторр» беспрепятственно промчался сквозь стрельчатый кордон металлических прутьев в сторону Серпуховки.

— Наш человек! — Степан одобрительно хлопнул таксиста по плечу. — Жизнь продолжается, господа присажные заседатели!

Часть 2. Степанов мебельный салон

Одной рукой придерживая портфель, другой цепляясь за перила, мужчина поднимался по бесконечно долгому лестничному маршу. Несколько раз Степа предлагал помощь, но получал вежливый отказ.

— Ну и правильно, — заключил Степан, — на мелководье спасение утопающего — личное дело его собственных рук. Если увидел чайку, надо не мешкая встать на четвереньки, упереться руками в дно и ползти к берегу. Главное — правильно выбрать направление!

— Будет вам смеяться, — улыбнулся мужчина, — лучше примите портфель. Деньги — штука тяжелая.

Они поднялись на третий этаж и вошли в опрятную коммунальную квартиру. Некогда просторный коридор, уставленный древними шкапами и тумбочками, напо-

минал мебельный зал антикварного магазина. Прихожая расходилась на два отдельных коридора. Один вел на кухню, другой — куда-то в глубину квартиры, видимо, в ванную комнату. Особый запах исторической мебели свободно гулял по узким проходам между стеклянными и глухими дверцами шкафов.

— Это все мое! — опережая вопросы, сказал Степа. — Не могу ничего с собой поделаться, как увижу что-то старое, бегу занимать деньги. А-а, вот и мои девоньки!

В дверях, расположенных друг напротив друга, показались две сморщенные старушечьи головки. На одной из них пестрел расшитый бисером голубой сатиновый платочек, на другой возвышался старомодный белоснежный чепец. Держался чепец на двух лентах, завязанных в узел под подбородком.

— Разрешите вам представить: Авдотья Эрастовна, — Степан сделал реверанс в сторону старушки в сатиновом платочке, — и несравненная Пульхерия Модестовна!

Он подал руку старушке в чепце, и та, нимало не смущаясь, вышла в своей длинной белой ночной рубаше на середину коридора и обратилась к гостю в дверях:

— Вы чаю будете?

— Пульхерия Модестовна, вы великолепны! — дружелюбно захохотал Степан и вдруг принял серьезный и даже несколько растерянный вид.

— Дружище, а ведь мы с вами даже не познакомились. Я не представился, не предложил сесть, вам же больно стоять! Вместо элементарного человеколюбия устроил цирк. Прошу меня простить, — он протянул руку, — Степан.

— Георгий, — ответил мужчина, пожимая Степану руку и одновременно оседая на предложенный табурет.

— Пока готовится чай, я провожу вас в ванную. Вам надо теплой водой хорошенько смыть признаки асфальтовой болезни и переодеться. Здесь у меня куча одежд брата, он такой же, как вы, толстый, могучий и, наверное, умный. Пойдемте.

Несравненная Пульхерия Модестовна приготовила чай на изящный старорежимный манер. Она любовно накрыла стол на две персоны, разложив ложечки, щипчики для сахара и всевозможные розетки для варенья, меда и орехов. Не признавая чайные пакетики, старушка заварила из смородиновых листьев ароматный чай цвета чеховской вишни. Накрыла заварной чайник забавной ватной куклой и рассыпала по вазочкам недорогие конфеты и пастилу. Когда все было тщательно приготовлено, она что-то шепнула Степану на ухо. «Хорошо-хорошо», — ответил ей Степа. Затем Пульхерия Модестовна легким наклоном головы попрощалась с гостем и вернулась в свою комнату.

Георгий, переодетый в чистую добротную одежду, походил на благополучного буржуа, спустившегося из рабочего кабинета в гостиную на зов распорядителя чайной церемонии. Он еще прихрамывал, но поврежденная коленка после ванной процедуры вела себя вполне прилично. Единственное, что его по-настоящему беспокоило, — это были синяки на правом боку, вздувшиеся после ударов ботинками. Ботинки были, видимо, с металлическими набойками, потому что, кроме синяков, на коже остались царапины. И это несмотря на велюровый пиджак и плотную фланелевую рубашку.

— Георгий, давайте на «ты», в бою так проще! — улыбнулся Степан, наливая гостю чай.

— Какой из меня вояка, писарь я мелкотертый. Кроме кисточки да ложки, никакого другого оружия в руках и не держал.

— Художник, что ль?

— Вроде того. А вы, простите, а ты?

— Я? Да я и того хуже. В советское время служил журналистом. Как скинули с социалистического броневика батьку Ленина со всем его учением, подался было по совету Бендера в управдомы. Но в ихнем капиталистическом общежитии место мне нашлось только в гардеробе. Стал я всякой сволочи польты подавать. Они мне чаевые суют, а я не беру. Один раз, правда, попробовал, больно жрать захотелось, так совесть желудком пошла. Облевал я, прости Господи, евойного песца по самое немогу. Тот в скандал, вцепился, как клещ, всю грудь мне моей же блевотиной, гад, и перепачкал. Я ему говорю: «Отойди, дядя», — не понимает. Еще раз говорю: «Отойди, родной!» — не понимает. Третий раз повторяю, но уже со всего размаху. Падает, кричит. Ну, все ко мне. А меня уже разобрало. Тут теннисный мячик подвернулся. Схватил я его, поднял руку и ору: «Стой, мразь постсоветская! Взорву всех на хрен!» Так не поверишь, попадали от страха, друг за дружку попрыгали, ну прям как сардины, ежели косяк затралить! Противно стало. Плюнул я на их сытый гардероб и ушел. И теперь... Разрешите представиться: лишний человек. Ни работы, ни друзей, полна горница старух. На их чаевые и живу. Знаю, что похоронные, ан не рвет, как от тех новороссийских соплей, — загадка!

— Выходит, я жирую там, где ты лапу сосешь, — задумчиво произнес Георгий. — Я, Степ, церковный художник. При Советах жить трудом на церковь — нельзя было и думать. Теперь — пожалуйста! Кстати, вон в том портфеле, — Георгий указал на коричневое пятно, бро-